



Е. В. Краснова

## ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ СЛОЖНОГО СЛОВА В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Появление целого ряда исследований сложных слов на материале языков, относящихся к различным группам, привело к постепенному преодолению сложившейся традиции уделять аффиксальному способу словопроизводства больше внимания, чем словосложению, и в результате композитология приобрела определенный автономный статус в рамках словообразования. Толчком к новому этапу развития науки о сложном слове в последние два десятилетия стала потребность в разработке или дальнейшем развитии программ машинного перевода, для совершенствования которых потребовалось создание принципиально новой теории композита, учитывающей достижения предыдущих десятилетий и новейшие технические средства. Немаловажное значение для изучения сложного слова на современном этапе имеет также возможность использовать корпуса национальных языков, которые не только позволяют опираться на более надежные результаты, но и открывают множество новых возможностей для исследователя.

Вместе с тем в основе параллельных исследований по созданию надежного алгоритма автоматического перевода на материале целого ряда языков зачастую лежит положение о том, что механизмы и типология сложного слова в разных языках имеют множество универсальных черт, а специфические, характерные для отдельных языковых систем, отодвигаются при этом на задний план.

Одна из основных причин недостаточного внимания к специфическому в системах разных языков кроется, очевидно, в том, что среди работ, посвященных проблемам сложного слова, до сих пор преобладают исследования, опирающиеся преимущественно на результаты изучения английского и немецкого языков. В первую очередь это уже ставшие классическими труды В. Адамса, Дж. Леви, Х. Марчанда, М. Э. Райдер, Б. Уоррен, В. М. Павлова, М. Д. Степановой и В. Фляйшер<sup>1</sup>, осуществленные в рамках целого ряда направлений, с использованием различных методов анализа языкового материала и представляющие многообразие классификаций и теоретических построений.

Преобладание английского и немецкого материала и отсутствие внимания к другим языкам стало причиной того, что многие из особенностей словосложения английского и немецкого языков зачастую автоматически переносились на «малые» языки. Такой подход характерен не только для последователей Н. Хомского, считающих, что языки отличаются друг от друга исключительно формой. Даже пользуясь другим понятийным аппаратом, некоторые авторы, занимающиеся вопросами словосложения, апеллируют к полученным для иных языков данным, не ставя перед собой вопрос о необходимости разграничения универсального и специфического в этой сфере. Проблема выделения универсального и специфического была одной из самых важных в лингвистике второй половине XX в., но сферу словосложения эти дискуссии практически не затронули, и сами принципы словосложения и семантические прототипы зачастую априори считались универсальными для всех языков.

Вместе с тем обращение к данным различных языков свидетельствует о том, что и при сравнении близкородственных языков, например, датского, шведского и норвежского просматриваются определенные различия в моделях и семантических прототипах словосложения.

Для языков, относящихся к разным языковым группам, эти различия, естественно, могут оказаться более значительными. Сложные слова в таких языках могут различаться по целому ряду параметров, как структурных, так и функциональных, и, в первую очередь, по месту в композите базиса и признака — различие, ко-

торое, например, демонстрирует сопоставление германских и романских языков.

Словосложение эксплицирует связь предметов, процессов, явлений в окружающем нас мире, а чрезвычайная сложность и многообразие существующих и потенциально возможных типов этих связей приводит к возникновению семантических структур различного содержания. В каждом языке имеется нечто специфическое, воспроизводящее характерную для данного народа и данной культуры реальность, и, следовательно, это специфическое не может не найти отражения в процессе словосложения, а значит, свойственные языку модели композитов неизбежно коррелируются с данной языковой системой.

Датское сложное слово при наличии определенного набора универсальных особенностей одновременно обнаруживает и некоторые специфические черты в отношении целого ряда ключевых для композитологии вопросов.

В первую очередь это **проблема определения статуса сложного слова и его признаков**. Сравнение целого ряда языков свидетельствует о том, что особый графический облик или фонетические особенности, безусловно, не могут считаться критериями для определения сложного слова, ведущую роль имеют грамматические и семантические критерии.

Из собственно грамматических критериев выделения слова в отечественной лингвистике широкое распространение получил критерий цельнооформленности А. И. Смирницкого<sup>2</sup>. Согласно этому критерию сочетание морфем признается одним словом, если грамматическое оформление при помощи соответствующей служебной морфемы получает все сочетание в целом, а не каждый из его членов.

В. Б. Касевич подчеркивает, что критерий цельнооформленности применим лишь к тем языкам и случаям, где существуют развитые средства грамматического оформления слов, а также выделяет основные критерии для разграничения словосочетания и сложного слова, точнее, определение сложного слова «со знаком минус», поскольку он приводит критерии не слова, а словосочетания (не-слова): критерий вставимости, критерий раздельнооформленности, критерий синтаксической самостоятельности и критерий переставимости<sup>3</sup>.

Параллельные модели, впрочем, не могут автоматически переноситься на сходные сочетания в других языках. Например, критерий вставимости предполагает, что возможна вставка между двумя словами фразового определителя без нарушения исходных грамматических связей. Таким образом, английский пример *stone wall* 'стена из камня' не должен расцениваться как сложное слово, поскольку внутри него возможна вставка, например, *stone-of-Carrara wall* 'стена из каррарского камня'. Вместе с тем, если мы рассмотрим аналогичный датский композит *stenvæg*, то окажется, что он имеет совершенно другой статус, поскольку в датском языке вставка между элементами этого сложного слова невозможна.

Очевидно, что критерии выделения сложного слова не являются универсальными. По справедливому замечанию Е. С. Кубряковой «для признания определенной языковой единицы сложным словом требуется целая совокупность формальных и содержательных признаков, не всегда совпадающих в разных языках»<sup>4</sup>.

**Вопрос о выделении основных «регулярных» моделей** также можно отнести к одной из актуальных проблем науки о сложном слове. Исследователи неоднократно ставили перед собой вопрос: Существуют ли какие-то правила построения композита в применении конкретным языкам? И если эти правила существуют, то насколько они универсальны? Попытки определить конечный список типов отношений между элементами сложного слова не увенчались успехом, и в настоящий момент признано, что потенциально существительные могут создаваться на основе неограниченного списка отношений между элементами. Для датского языка также можно выделить основные, наиболее частотные, типы отношений между компонентами сложного слова, в частности, отношения места, времени, принадлежности, сравнении и т. п., однако список этот вряд ли можно признать конечным.

**При исследовании особенностей структурно-немотивированных композитов**, т. е. композитов, в которых отсутствует прямая связь между составляющими элементами (*sne-fridag, bandepoliti, narkobaby, fyrværkerigrund*) возникает вопрос о том, каким образом происходит сцепление «случайных элементов» в композит? Примеры таких сложных слов можно найти на страницах газет, в художественной литературе и в речевом общении. Анализ меха-

низмов создания подобных композитов в датском языке показывает, что при их создании происходит опущение некоторых промежуточных структурных элементов, имплицитно сохраняются логико-грамматические связи, но эксплицитно представлены лишь самые важные элементы, остается лишь ключевое, маркирующее ситуацию. В результате мы получаем свернутое высказывание, некую разовую единицу, во многих случаях существующую в опоре на контекст. Механизмы такого «свертывания», несомненно, имеют универсальный характер. Однако очевидно, что опущение допустимо, только если у говорящего или пишущего не возникает сомнений, что его поймут. В противном случае не будет достигнута цель коммуникации.

**Проблема «интерпретативных лакун»** до сих пор не нашла достаточного освещения в литературе. Примеры так называемых «интерпретативных лакун» (англ. «interpretive gaps») приводятся в работах некоторых исследователей<sup>5</sup>, хотя сам термин пока что не получил широкого распространения. Авторы «Справочника по морфологии»<sup>6</sup>, называют проблему «интерпретативных лакун» одной из центральных задач дальнейшего изучения композитов на материале различных языков. Следует, однако, отметить, что вряд ли используемый термин можно признать удачным, более точным обозначением может служить определение «семантико-синтаксические лакуны». Речь идет о том, что существуют определенные типы семантических и синтаксических отношений, которые в принципе возможны, но на самом деле в языке не представлены, или представлены крайне ограниченно.

Для английского языка существует целый ряд ограничений, накладываемых на сложное слово. В частности, первый компонент может обозначать источник происхождения или предмет, от которого осуществляется движение, но цель движения или место назначения он обозначать не может. Например, в композите *store-clothes* первый компонент обозначает источник, место происхождения, но не может обозначать цель, по направлению которой осуществляется движение или действие.

Еще одно ограничение касается композитов, в которых второй элемент является отглагольным существительным. В английском языке первый компонент (при трансформации сложного слова в словосочетание) обязательно должен превратиться в дополне-

ние ко второму компоненту и не может интерпретироваться как подлежащее (*play checkers > checker-playing*).

«Интерпретативные лакуны» в датском языке до сих пор не стали объектом отдельного исследования, хотя они, несомненно, существуют. Однако если провести параллели с указанными для английского языка лакунами, то сходные модели в датском будут иметь другие ограничения.

В частности, в группе композитов, где вторым элементом является отглагольное существительное с дополнительным значением «результат действия» первый компонент вполне может при развертывании фразы превратиться в подлежащее: *bankrådgivning > banken rådgiver*.

**Рассмотрению продуктивных моделей и роли аналогии в создании композитов** до сих пор уделялось недостаточно внимания. Вместе с тем процесс создания новых языковых единиц по аналогии с определенным набором моделей, уже существующих в языке — учитывая бурное развитие средств массовой информации и проникновение Интернета в жизнь каждого члена языкового коллектива — принципиально отличается от создания сложных слов на основе определенного набора продуктивных правил. При создании композита носители языка зачастую прибегает к одной из уже существующих в языке моделей, выбирая ее в качестве образца.

**Вопрос интерпретации сложного слова** привлекает в последнее время внимание исследователей, в первую очередь, в связи с трактовкой структурно-немотивированных композитов. В рамках исследований, посвященных интерпретации сложного слова, можно выделить три основные модели.

1. Контекстуальная модель, согласно которой широкий контекст помогает разрешить семантическую неопределенность. Контекстуальная модель, однако, не может объяснить, почему одни изолированные композиты с легкостью «расшифровываются», а другие трактуются носителями языка неоднозначно. Многие авторы неоднократно отмечали, что более широкий контекст совсем не обязательно необходим для интерпретации окказиональных композитов<sup>7</sup>.

2. Вторая модель основывается на так называемой теории «фрейм-слот», согласно которой механизм порождения речи пред-

полагает наличие некоторой модели построения речевого произведения («фрейма»), которая в процессе речепроизводства заполняется конкретными знаковыми единицами («слотами»).

3. «Аналоговая модель» предполагает, что значения лексикализованных композитов берутся в качестве образца или модели при интерпретации нелексикализованных композитов<sup>8</sup>.

Для датского языка наиболее убедительной представляется аналоговая модель, именно она в большинстве случаев объясняет интерпретацию целого ряда структурно-немотивированных композитов носителями языка.

В последние десятилетия делались попытки решить перечисленные выше актуальные проблемы композитологии. Рассмотрение особенностей создания, структуры и семантики сложных слов осуществлялось в рамках всех актуальных для современной лингвистики направлений и с применением всех актуальных методов.

На материале датского языка словосложению посвящены лишь отдельные, единичные работы<sup>9</sup>, а также краткие разделы в работах по теоретической грамматике<sup>10</sup>.

При обращении к литературе, посвященной созданию композитов в других германских языках, отчетливо можно выделить несколько основных методов исследования. Во-первых, это лингвистическое направление, включающее дескриптивные исследования и исследования в рамках трансформационной грамматики, во-вторых, построение психолингвистических моделей, разнообразные работы в области компьютерного направления, а также исследования в области когнитивной лингвистики.

Особую популярность для композитологии в последнее десятилетие приобрела теория, изложенная Дж. Пустейовским в книге «Генеративный лексикон»<sup>11</sup>, где автор рассматривает принцип композициональности, сформулированный представителями школы формальной семантики.

Использование фреймового подхода при анализе композитов оказалось чрезвычайно плодотворным при анализе семантики сложных номинативных образований. В типичном для датского языка сложном слове со вторым опорным компонентом первый компонент конкретизирует или уточняет признак предмета или явления, что представляется чрезвычайно интересным для анализа процесса категоризации в различных группах композитов.

Проиллюстрировать это можно на примере построения фрейма для категории наименования предметов мебели, состоящей из нескольких базовых категорий (*stol, bord, seng, skab, kommode*). В данном случае можно выделить слоты, в которых расположены определенные категориальные признаки.

Группа предметов мебели (*møbler*) включает достаточно частотные слова, называющие предметы, обладающие некоторыми общими чертами:

1. Они находятся в доме или квартире человека.
2. Они призваны помогать человеку выполнять определенные функции (читать, спать, есть).
3. Они созданы с учетом анатомических особенностей человека.
4. Они имеют определенную эстетическую функцию.

Рассмотрение композитов-субкатегорий на примере группы предметов мебели позволяет понять, каким образом происходит соединение двух компонентов в сложное слово и какие категориальные признаки оказываются в слотах фрейма.

Датский материал показывает, что в основу сложных слов, являющихся наименованием предметов мебели, положены различные категориальные признаки. Часть этих признаков использовалась традиционно на протяжении истории и продолжает использоваться и по сей день. Это, как правило, признаки, которые несут в себе информацию о самом предмете мебели — материале, форме, функции, стиле, месте, для которого он предназначен. Однако часть композитов, называющих предметы мебели, не являясь конвенциональными, содержит в себе информацию о человеке, который этим предметом пользуется, в частности, о лице, для которого данный предмет предназначен, лице, для которого данный предмет типичен, лице, которому данный предмет принадлежит. К наиболее новому пласту слов относятся композиты с такими категориальными признаками, как «качественная характеристика» и «время использования».

Группа слов, обозначающих предметы мебели, вне всякого сомнения, не является закрытым множеством. Категория наименований предметов мебели, как и многие другие категории предметных имен, находится в постоянном развитии, и в отдельных случаях в человеческом мышлении происходит изменение в кон-



цептуальном образе предмета мебели, что находит отражение в языке. Одним из ярких примеров является слово *samtalekøkken* (разговор + кухня) — 'большая кухня-гостиная'.

Фреймовый подход, несомненно, позволяет построить наглядную модель словосложения, однако, он не лишен недостатков. Во-первых, даже в сложных словах с прозрачной семантикой категориальный признак, заполняющий слот можно трактовать неоднозначно. Например, *cafebord* можно определять не только как «стол, предназначенный для кафе», но и как «стол, находящийся в кафе», таким образом, признак «местонахождение» существует параллельно с признаком «предназначение». В таких случаях наблюдается своего рода «сплав» признаков. Кроме этого, представляя в каком-то смысле упрощенную модель речепроизводства, фреймовый метод не может дать объяснения механизмам создания композитов других видов, в частности структурно-немотивированных.

Очевидно, что для исследования чрезвычайно неоднородной группы сложных слов в датском языке и их семантических и синтаксических особенностей необходим комплексный подход с использованием различных методов анализа.

---

<sup>1</sup> Adams V. An introduction to modern English word-formation. London, 1973; Levi J.N. The syntax and semantics of complex nominals. New York; San Francisco; London, 1978; Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation. Wiesbaden, 1960; Ryder M.E. Ordered chaos. The interpretation of English noun-noun compounds. Berkley; Los Angeles; London, 1994; Warren B. Semantic patterns of noun-noun compounds (Gothenburg Studies in English 41) // Acta Universitatis Gothoburgensis. Göteborg, 1978; Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985; Степанова М. Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в современном немецком языке. М., 1984.

<sup>2</sup> Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.

<sup>3</sup> Касевич В. Б. Труды по языкознанию. СПб., 2006. С. 515–517.

<sup>4</sup> Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 3.

<sup>5</sup> Downing P. On the creation and use of English compound nouns // Language. 1977. Vol. 53. No 4. P. 810–842; Levi J.N. The syntax and semantics of complex nominals. New York; San Francisco; London, 1978; Warren B. Op. cit.

<sup>6</sup> *The Handbook of Morphology*. Oxford, 1998.

<sup>7</sup> *Coolen R., Van Jaarsveld H. J. V., Schreuder R.* The interpretation of isolated novel nominal compounds // *Memory and Cognition*. 1991. No 19. P. 341–352.

<sup>8</sup> *Derwing B. L., Skousen R.* Real-time morphology: symbolic rules or analogic networks? // *Proceedings from the fifteenth annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, 1989. P. 48–62; *Ryder M. E.* Op. cit.

<sup>9</sup> *Bauer L.* The grammar of nominal compounding with special reference to Danish, English and French. Odense, 1978; *Kønikke M.* Søvnbesvær & sovepiller. Om substantiviske komposita // *Danske studier*. 1989. Bd 84. S. 149–156; *Biron I.* Substantiviske komposita i valensteoretisk perspektiv // *Nordlex-Projektet: Sammensatte substantiver i dansk*. København, 1994. S. 7–18; *Herslund M.* Verbonominale konstruktioner og komposita // *Ibid.* S. 83–88; *Jensen P. A., Vikner C.* Sammensætninger og ikke-relationelle komposita // *Ibid.* S. 89–98; *Thomsen K. T.* Substantivkomposita (også afledte) med adverbium som førsteled // *Ibid.* S. 115–125; *Ørnsnes B.* Complex event compounds in Danish — an HPSG Approach // *Acta Linguistica Hafniensia*. København, 1999. Vol. 31. P. 59–90.

<sup>10</sup> *Allan R., Holmes P., Lundskær-Nielsen T.* Danish: A comprehensive grammar. London; New York, 1995. P. 541–549.

<sup>11</sup> *Pustejovsky J.* The generative lexicon. Cambridge, 1995.

*Elena Kasnova*

#### THE PROBLEM OF COMPOUNDING IN THE DANISH LANGUAGE

The article discusses most interesting problems of modern Danish compounding including regular and irregular word-formation, analogy models, interpretation of compounds as well as interpretive gaps. The main focus is on differentiation between the universal and the specific in compounding.